
С Е Р И Я

ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
От истоков до монгольского нашествия. Часть Европы

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
Ордынский период. Часть Азии

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
От Ивана III до Бориса Годунова.
Между Азией и Европой

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
Семнадцатый век. Между Европой и Азией

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
Царь Петр Алексеевич. Азиатская европеизация

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
Эпоха цариц. Евразийская империя

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
Первая сверхдержава

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПОВЕСТЯХ И РОМАНАХ

ОГНЕННЫЙ ПЕРСТ

БОХ И ШЕЛЬМА

ВДОВИЙ ПЛАТ

СЕДМИЦА ТРЁХГЛАЗОГО

ОРЕХОВЫЙ БУДДА

ДОБРОКЛЮЧЕНИЯ И РАССУЖДЕНИЯ ЛУЦИЯ КАТИНА

МИР И ВОЙНА

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

**БОРИС
АКУНИН**

МИР И ВОЙНА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
А44

*Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.*

*Серия «История Российского государства»
издается с 2013 года*

Оформление переплета — А. Фerez

Иллюстрации — И. Сакуров

Заставки, форзацы и шмуцтителы — И. Сакуров при участии М. Душина

Консультант по иллюстрациям — М. Черейский

Акунин, Борис

А44 Мир и война: [роман]. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 272 с.:
ил. — (История Российского государства в повестях и романах).

ISBN 978-5-17-082578-3

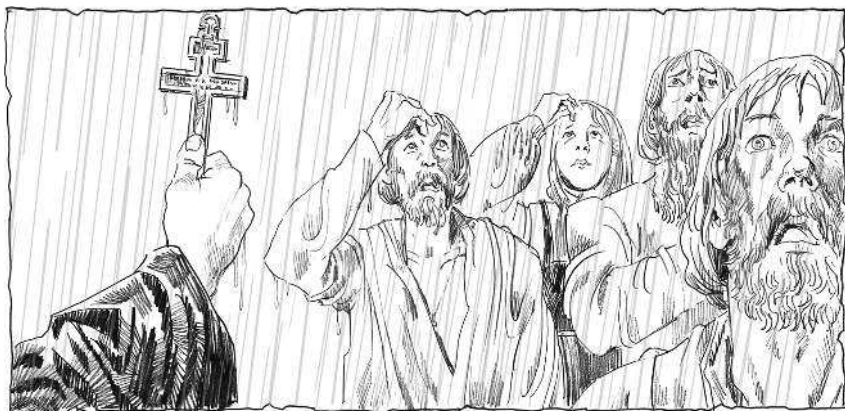
Детективный роман Бориса Акунина, действие которого разворачивается на фоне грозных событий войны 1812 года, является художественным приложением к седьмому тому проекта «История Российского государства». Такой пары сыщиков в истории криминального жанра, кажется, еще не было...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© В. Акунин, автор, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Том первый
МІР

Глава I

СМЕРТЬ НА МІРУ

Июня 13 дня мокрым серым утром случилось страшное.

Деревенские всем міром собрались на берегу разбухшей от двухнедельных дождей Саввы помолиться о вёдре. Стояли с непокрытыми головами, многие на коленях, у мужиков ко лбам прилипли волосы, у баб потемнели волглые платки, отец Мирокль то и дело стряхивал рукавом с бороды капли. И вот взывает он к пастве своим дишкантом «Посли хлеб твой на лице воды!», взманивает рукою на речку, все обращают туда взоры — а на темной, пузыристой глади колыхнется нечто пунцовое.

Тишка Косой, который был к берегу ближе всех, первый углядел — красный ситец. И полез доставать. Зачем хорошей вещи зря мимо плыть? Но Катина этого еще не видела, потому что находилась подле попа с приличествующим оказии просветлением на лице и присомкнутыми очами. В действенность климатических молитв Полина Афанасьевна не верила, но знала, что они полезны для народного

Мир и война

умонастроения, за тем и присутствовала, являя собою единение с обществом. Она готовилась пребывать в сей скучной позиции еще долго, но когда услышала крики и движение, сразу открыла когда-то лазоревые, а с годами выцветшие до бледной голубизны глаза. Вслушалась, взгляделась, вникла.

Крики были: «Утопница, утопница!». Движение же в толпе образовалось двоякое: одни кинулись к реке — поглазеть, другие шарахнулись от жути подальше, и первых было много больше, чем вторых.

— Извольте, матушка, вот вам иллюстрация к нашему давешнему спору, — вполголоса сказал помещице отец Мирокль (он был человек маловозмутимый, философ). — Любопытство в человеческой природе сильнее робости.

— Да ну вас, — махнула Катина, ибо всему ж свое время, и пошла наводить порядок.

Перед нею расступались.

Полина Афанасьевна сразу поняла: покойницу принесло течением сверху, ибо тут место мелкое, не потопнешь. Платье зацепилось за мостки.

Экая докука! Плыла бы себе дальше, к соседям. Люди из-за долгих дождей и без того кислые, а от такого поганого знаменья вовсе заунываются.

— Что встали? — Помещица сердито повернулась к мужикам. — Доставайте.

Только оказалось, ошиблась она. То была не докука, то была беда.

Мертвица, когда ее перевернули, оказалась своя, вымираловская. Палашка Трифонова. Хорошая, ясная девка, со всем молодая, шестнадцати что ли лет. Лучшая во всем селе грибница-ягодница, всегда из лесу приходит с полными лу-

СМЕРТЬ НА МІРУ

кошками. Катина думала ее через годик, когда соком нальется, за кузнецкого сына выдать.

Эх, горе какое, запечалилась Полина Афанасьевна. Не бродить соку в сем бедном теле, питать ему червей подземных. Как же это она, глупенькая, угораздилась?

Тут, понятно, завопили бабы. Палашкин отец, Трифон Михайлов, протиснулся, растерянно забормотал, вертя головой влево и вправо — только бы не смотреть вниз:

— Не ночевала... Думали, к тетке Матрене в Аксиньино пошла, а оно вона что...

Матери, Лукерья Трифоновой, на берегу не было, она на молебен не пришла, дома лежала хворая. Но за ней уже побежали, конечно. Приведут. Лукерья и так-то заполошенная, а тут вовсе исступится. Подхватят другие, развоются, раскликушествоуются, и начнется Вавилон, соображала Катина.

— Что глазеете? — прикрикнула она на баб. — Подите, подите!

Мужикам велела:

— Поднимайте, в избу несите. Нечего ей, бедной, в жиже валяться.

Крестьяне подняли тело из воды, шаг-другой сделали, да и уронили на землю, а сами отскочили.

Будучи поднятой, покойница провисла на руках, заколыхалась, словно была из теста иль студня.

— У ней кости все давленные! — завопил кто-то.

И понеслось:

— Лешак! Лешак! Палашку в лесу Лешак раздавил!

Пусто стало вокруг. Подле трупа осталась одна Полина Афанасьевна.

Стало быть, и до нас добралось, подумала она. Значит, не докука это и не беда, а много хуже: злосчастье. Не Вавилон будет, а Содом с Гоморрой.

Мир и война

...Из реки Саввы, медленно текущей через густые звенигородские леса, через аржанные-овсяные поля, через травяные луга, уже вынимали девок со сплошь переломанными костями. Когда такое случилось впервые, прошлым летом, люди подивились столь диковинной смерти. Родные плакали, да схоронили упокойницу на церковном кладбище, и ничего такого не подумали — на всё воля Божья. Но после второй утопленницы о Боге уж не говорили, только о Лешаке.

Это сказка такая, ее бабы детишкам по всей округе рассказывают, чтоб одни в лес не ходили. Будто живет в чаще, по кустам-оврагам лесной бес, весь в медвежьей шерсти. Кто с ним встретится — пропал. Обхватит Лешак своими лапицами, сожмет до костяного хруста, прильнет к устам и высосет живой дух, которым питает свое лешачье естество. Переломанное бездыханное тело кинет в болото, иль в озеро, иль в речку.

Слушая, как сельчане поминают Лешака и бабы подымают от ужаса, а некоторые и визжат, Полина Афанасьевна подосадовала, что прежде мало заботилась этими вздорами и даже толком не знала, сколько раз оно такое приключалось. Трижды, четырежды? Катина мало интересовалась тем, что происходило вне ее владений. Страшных утопленниц находили далеко — в десяти, в двадцати верстах. А тут сгубили не чужую какую-то девку, а свою Палашку, да прямо у порога! За своё и за своих вымираловская помещица стояла крепко. И сейчас ею владел не страх, а ярость. Сдавила горло, мешала дышать.

Кто бы душегубство ни произвел — Лешак ли, Дьявол ли, людь иль нелюдь — но за Палашу он заплатит, пообещала себе Катина. Землю с небом местами переверну, а сыщу.

СМЕРТЬ НА МІРУ

Однако сначала нужно было успокоить курятник. Так раскудаhtался, что мысль не соберешь.

Голос попа, пытавшегося увещевать паству, тонул в гаме, охах, плачах, причитаниях.

— Устыдитесь! — взывал священник. — Суеверие и са-мопугание приличны малым детям, но не зрелым мужам с женами! Придумываете сказки, а после сами в них верите! Сообразите сами! Какой Лешак? Кто его видывал? Воистину: «Егда хочет показнити человека, отнимает у него разум»!

Но его не слушали. Отец Мирокль у деревенских почтением не пользовался, очень уж витиеват и трудноглаголен. Иное дело староста Платон Иванович — его уважали.

Этот не кричал, рук не воздымал, а шел через скопище, ворковал по-голубиному своим жидким, ласковым тенорком (ему и прозвище было Голубь):

— Бабоньки, любезные, угомонитесь, о детках своих подумайте. Вон они, бедные, сжались от ваших криков, ночью спать не будут. Степан, жену обними, успокой. Митрий, посмейся дочке, козу сделай — вишь, белая вся, трясется.

И где пройдет Платон Иванович, становилось тише. Только дети пищали, а взрослые уже нет.

Уверившись, что Голубь с миром совладеет, Полина Афанасьевна о деревенских думать перестала и занялась чем следовало.

В свои 62 года была она вся седая, но мышцей упругая, в движениях спорая. Наклонилась над мертвым телом, стала его щупать, шевелить. Понадобилось — присела на корточки.

Эх, Палаша, Палаша, что ж с тобой приключилось?

Судя по изгибу тулова, позвоночный столб сломан, и, может, не в одном месте. Ноги тоже — гнутся во все стороны. Будто молотили в десять дубин. Однако синяков и сса-

Мир и война

дин нигде нет. На запястьях только кожа содрана. От грубой веревки? Но почему борозды такие широкие, будто волочил кто или со всей силы дергал? Надо будет раздеть донага и повсюду осмотреть, подумала Катина. Не здесь только, не на виду, а в тихом месте.

Подвязывая покойнице отвисшую челюсть, перекладывая на грудь замечательно густую, длинную косу, помещица заметила в волосах что-то мелкое, белое. Решила, речной камешек. Стала вынимать — оказалось, крохотная костяная пуговичка, какие бывают на рукавах.

«Ах вот как? — сказала себе Полина Афанасьевна. — Лешак, значит, у вас с манжетами ходит?». Хищно оскалила ровные зубы, с возрастом несколько белизны не потерявшие. Отец Мирокль про них говорил, что это наивернейший признак природной крепости, ибо *dentes sani in corpore sano*, сиречь в здоровом теле здоровые зубы. Катина и правда отроду не хворала.

Примечательную находку она положила в карман. Промшептала сама себе (была у нее такая привычка): «Кто ты, гадина, ни будь, за эту пуговичку я тебя и ухвачу. От пуговицы к рукаву, от рукава к руке, а от руки дотянусь и до горла».

Обернулась на толпу. Там опять шумели. Это прибежала из дому, с другого конца села, Лукерья, покойницына мать.

— Палаша-а-а! Палашенька-а-а! Рожёная моя, рощёная! Золотко мое ненаглядное! Кровинушка!

Да прочее всякое. Бабы с девками, конечно, тут же подхватили. Но Катина им разводить вой не дала.

Распрямылась, крикнула своим замечательно звонким голосом:

— Эй, тихо там!

И стало тихо.

— Слушайте, что скажу!

СМЕРТЬ НА МІРУ

Все придвинулись ближе, встали тесно.

Речь помещицы была короткой.

— Тут дело злодейское! Не Лешак нашу Палашу порешил, а лихой человек! И я буду не я, коли ирода этого не добуду и не покараю! Даю вам в том мое катинское слово. А вы слово мое знаете.

И потом, уже вполголоса, старосте:

— Лукерья пускай повоет, но чтоб держали за руки. Не давайте ей на тело пасть. Покойницу взять плавно, в восемь рук. Положить на широкую доску, а лучше на столешницу. Снести ко мне на двор, в скобяной сарай. Трифону объясни: по закону так положено, для розыска убийцы.

Дальше совсем тихо, шепотом:

— Девку всю раздень, бережно. По бокам обложи льдом. И дозорного поставь перед дверью, чтобы никто не совался.

Платон Иванович ответил:

— Всё исполню, матушка-голубушка. А только дозорного ставить незачем, на зряшное человека от работы отнимать. К Палагее никто ни за какие калачи не заглянет. И сарайку стороной обойдут.

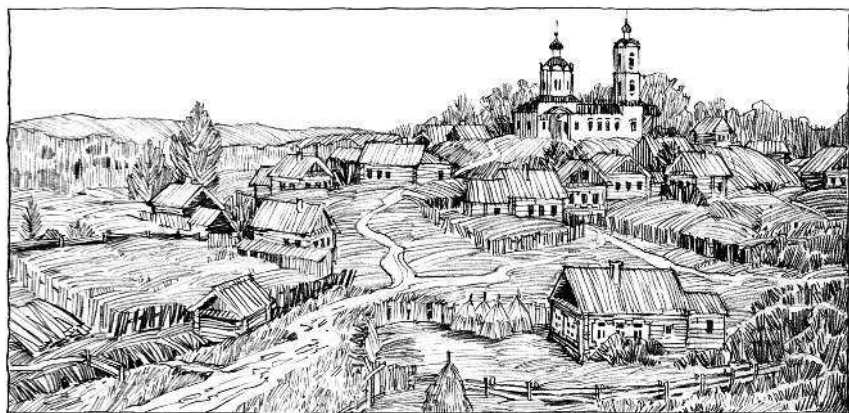
— Твоя правда, — согласилась Катина. — Что я учу ученого. Распорядись там как надо. А мне вели оседлать каурого. Поеду в Звенигород, к судье.

И скоро уже, четверти часа не прошло, гнала быстрой рысью под морозящим дождем по клевер-

ному лугу, по выгону, мимо околицы боль-

шого, широко раскинувшегося села

Вымиралова.

Глава II

ВЫМИРАЛОВСКАЯ ПОМЕЩИЦА

Ныне трудно было и поверить, что тридцать лет назад селение стояло безлюдное и безвидное, будто покинутое душою тело; пустые дворы позаросли травой, пыльные окна тусклились осколками. Первый раз увидев сей позеленелый труп, Катина ощутила нечто вроде родственности. Она тоже после утраты супруга, погибшего в пугачевскую смуту, некоторое время чувствовала себя полой оболочкой, треснувшим сосудом, из которого вытекла содержимая влага.

14

В прежней, молодой и счастливой жизни, Полина Афанасьевна обитала в иных краях, на широком и высоком волжском берегу, в мужнином имении. Но простить тамошним крестьянам измены и бунта не пожелала (относилась к прощению не по-христиански), и по умирении мятежа в разоренное гнездо больше не вернулась. Деревню со всеми жителями продала, перебралась в Москву и прожила

ВЫМИРАЛОВСКАЯ ПОМЕЩИЦА

там с сироткой-сыном лет десять. Однако ж, заметив, что мальчик растет бледен и не умеет отличить вяза от ольхи, решила, что здоровее и во всех смыслах полезнее увезти маленького Ростислава подальше от городской пыли и московского общества, которое хорошему не научит. Жить надобно вне Москвы, но поблизости, чтоб не задичать в глуши.

Поездила по окрестностям, прикидывая, как бы за меньшие деньги купить лучшее, и наткнулась на мертвое село Вымиралово. Раньше оно называлось Муралово, по владельцам Мураловым, которым в Звенигородском уезде принадлежал десяток деревень и эта самая большая, с господским домом. Но в чумовое поветрие семьдесят второго года крестьяне все до одного перемерли от заразы, и село прослыло клятым местом. Мураловы оттуда съехали в Москву, дом перевезли, оставив один фундамент, а селение запустело. Хозяева его отдавали за бесценок.

Никогда бы Катиной с ее невеликими средствами не купить ближнее подмосковное поместье с полями, лугами и лесом, если б не чума.

Землю приобрела задешево. Основные деньги потратились на заселение. Полина Афанасьевна купила пятьдесят парней и пятьдесят девок, выбирая штучно, с умом, с приглядом на будущее: чтоб были работящи, сильные, не гнилого нрава. И, конечно, сразу примеряла, кого с кем оженит.

Сейчас, тридцать лет спустя, село смотрелось необычно. Дома все крепкие, схожие, стоят по линейке. Стариков-старух вовсе нет — одна только помещица. И сразу видно, что живут здесь небедно. Не трудно забогатеть, если все работники молоды, а хозяйка рачительна.

Конечно, за столько лет вымираловцы сильно размножились, уж третье поколение наплодилось. По последней переписи числилось за Катиной 333 взрослых души обоого